

РЕЦЕНЗИЯ
на выпускную квалификационную работу обучающегося СПбГУ
Кобозевой Алины Алексеевны
«Трансформация эпистолярного жанра в романе Михаила Шишкина
“Письмовник”»,
представленной на соискание степени бакалавра филологии

Тема, выбранная А. А. Кобозевой для ВКР, несомненно имеет право на существование. В данном случае не просто анализируется роман известного писателя, которого уже можно назвать «современным классиком», но и ставятся теоретические вопросы о бытовании в современной литературе жанра романа в письмах (или, как предпочитает писать дипломантка, «эпистолярного жанра»).

В первой главе (главы ВКР, вопреки всем традициям, не имеют названий) дается обзор немногочисленных работ об эпистолярной литературе; в основном здесь цитируются справочные издания и пересказывается диссертация О. О. Рогинской); автор также пытается связать проблематику романа в письмах с понятием перформатива.

Вторая глава анализирует роман «Письмовник». Здесь отмечаются странности этого произведения – в частности, то что «смерть одного из героев не прерывает переписки» (с. 15); несоразмерность временных промежутков, за которые пишет письма каждый из корреспондентов (с. 15), кратко отмечаются особенности стиля: «...большое количество обращений, риторических конструкций, диалогичных форм» (с. 18); высказываются некоторые замечания о структуре персонажа и запутанности нарративной ситуации (с. 19-20). Любопытны приводимые студенткой замечания О. Рогинской о неизменно печальном конце эпистолярного романа (с. 21), а также собственные наблюдения дипломантки: «...каждое столкновение со смертью героем характеризуется как первое» (с. 23), замечания о непохожести происходящего в романе на метемпсихоз (с. 24) и др.

В третьей главе А. Кобозева обращается к проблеме анахронизмов в романе и дает подробный список несочетающихся друг с другом реалий. Некоторые из них были отмечены критиками, другие, по-видимому, являются находками самой дипломантки. К сожалению, А. Кобозева не всегда считает нужным указывать источники своих сведений («Кроссворд впервые напечатали в России в 1925 году», с. 28). Отдельно от реалий описываются события романа, а также «миры» героя и героини (с. 31-32). Настаивая на связности переписки, дипломантка приводит ряд примеров переключек реалий в письмах Володи и Саши (с. 33). Некоторые филологические знания ощутимы в анализе хронотопа романа (с. 36-37).

В четвертой главе автор обращается к аллюзиям в романе и находит довольно много словесных и вещественных «рифм» в высказываниях героев (с. 38-42), а также цитат и реминисценций из других авторов (с. 42—47). Эта часть работы представляется наиболее ценной. Однако из-за отсутствия ссылок не всегда понятно, какие находки представляют собой личный вклад дипломантки. Так, отмечая цитаты и аллюзии из других писателей, А. Кобозева забывает отметить, что приводимая на стр. 44 цитата была обнаружена не ей самой, а Мартыном Ганиным в рецензии на «Письмовник» (при этом студентка не называет источник цитаты – повесть Вадима Шефнера – и ничего не говорит об интересной интерпретации Ганиным всего романа в связи с этой цитатой).

В «Заключении» подводятся итоги и делаются выводы о трансформации Шишкиным жанра эпистолярного романа: письма связаны, скорее, внутренними аллюзиями, чем прямым диалогом (с. 48). Этот вывод представляется верным (хотя и достаточно очевидным).

Список использованной литературы насчитывает 30 позиций (хотя среди них есть и те, которые не цитируются в тексте работы: например, книги Лакоффа – Джонсона или Падучевой).

Объем работы достаточен для ВКР, признаков неправомерных заимствований не обнаружено.

В целом А. Кобозевой предприняты определенные усилия для того, чтобы описать структуру сложного текста Шишкина, найдены некоторые скрытые цитаты и реминисценции, сделаны верные выводы.

Однако нужно отметить и существенные недостатки.

Во-первых, вызывает сомнения попавшее в заглавие выражение «эпистолярный жанр». Если, как можно понять из начала первой главы, это понятие охватывает любые произведения, написанные в форме писем, и потому включает романы, повести, рассказы и т.д., то лучше говорить об «эпистолярной форме» или «эпистолярной литературе», в заглавие же было бы лучше оставить выражение «эпистолярный роман».

Во-вторых, вызывает большие сомнения раздел первой главы, посвященный перформативу. Автор указывает книгу Дж. Остина, не содержащую ключевую работу «Как делать вещи при помощи слов», очень смутно излагает свои мысли, а основное положение: «...можно представить, что описанное событие одним человеком будет являться письменным перформативом для читающего, потому что до момента прочтения события как будто и не было» (с. 12) мне представляется просто неверным, поскольку перформатив осуществляется адресантом, а не возникает как узнавание о действии адресатом (кстати сказать, эти два термина А. Кобозева иногда просто путает, ср. «...письма ... не достигают адресанта», с. 13).

В-третьих, в работе не видно следов знакомства дипломантки ни с другими произведениями Шишкина, ни с его прямыми источниками (в частности, с романами Саши Соколова). А между тем, как мне представляется, структуру «Письмовника» невозможно описать без этих контекстов. Соколов показал возможность написания ахронного романа, в котором свободно «снуются» исторические реалии и события жизни героев, а сам Шишкин в предшествовавших «Письмовнику» текстах наполнил эту форму определенной идеологией – идеей дурной повторяемости российской истории. Именно эти структуры и смыслы могут объяснить загадки «Письмовника».

В-четвертых и главных, работа очень плохо написана. Уже при ее пролистывании бросаются в глаза многочисленные ошибки и опечатки: «Иоанн Вольфганг Гете» (с. 5), «Никлюкин» (правильно: «Николюкин», с. 7, 8 и др.), «Екатеринбург» (с. 20, 51), «к мемуарам Ячевского» (правильно: «Янчевецкого», с. 44) и др.

По ходу прочтения рецензент убедился, что работа просто кишит речевыми, грамматическими, орфографическими и пунктуационными ошибками, без них не обходится ни одно предложение. Автор очень слабо различает письменный и устный стили, совершенно не чувствует тавтологий («до этого это событие не существовало для этого персонажа», с. 12), хотя пишет о лучшем стилисте в русской литературе. Некоторые опечатки однозначно свидетельствуют о том, что работа просто не перечитывалась автором: «Последняя их встреча имела была нескольких лет назад» (с. 12). Наложения друг на друга разных видов ошибок и опечаток, в сочетании с неспособностью студентки четко построить фразу делает многие фрагменты работы нечитабельными.

Не заметно в ВКР и признаков усвоения А. Кобозевой первичных навыков филологической культуры. Все без исключения ссылки в работе оформлены с теми или иными отклонениями от ГОСТа; то же можно сказать о списке использованной литературы. Автор считает, что при ссылке на какой-то термин, введенный ученым (Остином, Шмидом, Бахтиным) можно указать книгу этого ученого в целом (с. 12, 19, 35); более того, значительная часть постраничных ссылок не содержит указаний на страницы цитируемых источников. При обращении к каким-то общеизвестным

литературоведческим терминам и понятиям, как правило, возникает конфуз: так, упомянув о «диалогах» у Достоевского, студентка указывает, что они происходят «в виде вопросно-ответной формы» (с. 33) и т.п.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что

- содержание ВКР соответствует заявленной теме,
- тема, заявленная в названии, в основном раскрыта;
- структура работы обоснована задачами ВКР;
- студенткой предприняты определенные усилия для освоения теоретического материала, имеющего отношение к теме ВКР;
- использованы некоторые современные работы о М. Шишкине и эпистолярной литературе;
- дано обоснование выводов.

Поэтому, несмотря на указанные выше серьезные недостатки, считаю возможным рекомендовать положительно оценить ВКР А. А. Кобозевой.

Д.ф.н., PhD, доцент,
проф. кафедры истории
русской литературы
филологического ф-та СПбГУ

А. Д. Степанов

30.05.2017